

они, предаваясь неразумнымъ помысламъ, возражали Ему на эти слова: „Ты Самъ о Себѣ свидѣтельствуешь, свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13). И дерзость Іудеевъ простиралась не до однихъ только противорѣчій на словахъ и ихъ неукротимая смѣлость не ограничивалась одними только порицаніями, но, беспощадно пройдя чрезъ всѣ ступени жестокости, окончили тѣмъ, что предали Его распятію и смерти. Но какъ Онъ былъ жизнью по природѣ, то, расторгнувъ узы смерти, возстаетъ изъ мертвыхъ, справедливо удаляется отъ гнусностей Іудеевъ, переселяется къ язычникамъ, всѣхъ призываетъ къ свѣту и слѣпымъ даруетъ прозрѣніе. Такимъ образомъ случилось то, что послѣ крестной смерти Спасителя нашего Христа умы Іудеевъ омрачились, такъ какъ свѣтъ удалился отъ нихъ, а сердца язычниковъ просвѣтились, такъ какъ истинный свѣтъ возсіялъ имъ. Итакъ, „когда, говоритъ, вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что (это) Я (есль)“,—вмѣсто: претерплю до самаго конца ваше нечестіе, не наведу на васъ преждевременнаго гнѣва (своего), приму страданія и смерть, перенесу кромѣ всего другого и это. Но когда вы предадите распятію Сына Человѣческаго, почитаемаго вами за простаго человѣка, тогда, говоритъ, даже невольно, узнаете, что я не сказалъ лжи въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“. Вѣдь если вы видите себя самихъ подвергшимися омраченію, а безчисленное множество язычниковъ просвѣщенными по причинѣ Моего бытія у нихъ, то развѣ, даже вопреки своей волѣ, вы не должны согласиться наконецъ, что Я — истиннѣ свѣтъ міра? А что Спаситель, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, имѣлъ удалиться изъ сонмища Іудеевъ, это для всякаго несомнительно, ибо это уже совершилось и исполнилось. Но кромѣ того это съ

еще большею ясностью можно видѣть и изъ Его словъ: „пока свѣтъ имѣете, ходите во свѣтѣ, дабы тьма васъ не объяла“ (12, 35). Сокращеніе и удаленіе свѣта даетъ бытіе тьмѣ и, наоборотъ, присутствіе свѣта производитъ исчезновеніе тьмы. Итакъ, Христосъ является истиннымъ свѣтомъ, Своимъ удаленіемъ подвергнувъ Іудеевъ тьмѣ, а Своимъ присутствіемъ освѣтивъ язычниковъ,—и испытаніе бѣдствій сдѣлалось горькою наукою для Іудеевъ.

Еще толкованіе того же изреченія.

Когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что это Я.

Поелику вы, говоритъ, смотря на одну только плоть, думаете, что Я простой человѣкъ, одинъ изъ вамъ подобныхъ, а божеское достоинство и соединенная съ нимъ слава нисколько не входитъ въ вашъ умъ, то очевиднѣйшимъ для васъ знаменіемъ того, что Я—истинный Богъ отъ Бога и Свѣтъ отъ Свѣта, послужитъ всеужасная ваша и беззаконнѣйшая дерзость, то-есть крестъ и смерть (Моей) плоти на немъ. Вѣдь какъ скоро вы увидите неисполнившуюся цѣль своего злоумышленія и сокрушенную сѣть смерти, ибо Я возстану изъ мертвыхъ,—тогда даже невольно и по необходимости уже согласитесь наконецъ съ обращенными къ вамъ Моими словами и должны будете признать, что Я—истинный Богъ по природѣ. И это потому, что Я окажусь выше смерти и тлѣнія и, какъ жизнь по природѣ, возставлю Мой храмъ (Іоан. 2, 19—21). Но если владычествовать надъ смертію и презирать сѣти тлѣнія подобаешь только Богу по природѣ и никому другому изъ существующаго, то развѣ не долженъ оказаться Я, безъ всякаго противорѣчія и внѣ всякаго сомнѣнія, по этому самому могу-

щимъ все побѣждать и безпрепятственно? Итакъ, Спаситель сказалъ, что Его собственный крестъ будетъ знаменіемъ для Іудеевъ и очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, что Онъ есть Богъ по природѣ.

Ясно высказывающимъ это ты можешь видѣть Его и въ нѣкоторомъ другомъ случаѣ. Такъ какъ чрезъ Него совершилось безчисленное множество чудотвореній, то фарисеи приступили однажды къ нему съ словами: „Учитель! желаемъ отъ Тебя знаменіе видѣть“ (Матѳ. 12, 38). Онъ же, поелику видѣлъ ихъ замыслы и зналъ ихъ дурныя намѣренія, говоритъ: „родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка: ибо какъ былъ Іона во чревѣ кита три дня и три noci, такъ будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцѣ земли три дня и три noci“ (ст. 39—40). Слышишь, какъ Іудеямъ, требовавшимъ знаменія въ доказательство того, что Онъ есть истинный Богъ, хотя говорили это и съ цѣлью искушенія,—не будетъ показано, говоритъ, имъ другого знаменія, кромѣ знаменія Іоны пророка, то-есть тридневной смерти и воскресенія изъ мертвыхъ. Какое же въ самомъ дѣлѣ знаменіе свойственной божеству власти можетъ быть столь великое и очевидное, какъ разрушеніе смерти и уничтоженіе тлѣнія, хотя и по божественному рѣшенію овладѣвшаго человѣческою природою? Вѣдь въ лицѣ Адама она услышала: „земля еси и въ землю отойдешь“ (Быт. 3, 19). Но во власти Спасителя Христа было и положить конецъ Своему собственному гнѣву и смерти, явившуюся вслѣдствіе Его же опять проклятія, уничтожить благословеніемъ. А что Іудеи сильно трепетали знаменія воскресенія, какъ страшнаго доказательства того, что Христосъ есть воистину Богъ, этому ясно научить ихъ по-

слѣднее дѣяніе. Какъ только узнали они о воскресеніи Спасителя и что Онъ не обрѣтается во гробѣ, прійдя отъ этого въ весьма великій страхъ, старались за большія деньги купить клевету у воиновъ. Они дали имъ сребреники, чтобы говорили, „что ученики Его пришедши украли Его, когда мы спали“ (Матѣ. 28, 13). Вотъ какъ велико знаменіе воскресенія, будучи безспорнымъ доказательствомъ божества Іисуса, почему и смутилось жестокое и непреклонное сердце Іудеевъ.

ГЛАВА V.

О томъ, что Сынъ по силѣ и премудрости не меньше Бога и Отца, напротивъ—Самъ есть премудрость и сила Его.

VIII. 28. И о Себѣ ничесоже творю, но, якоже научи Мя Отецъ, сія глаголю. ¹⁾

Говорить примѣнительнѣе къ человѣческому состоянію, такъ какъ иначе Іудеи не могли понимать и не допускали выслушивать отъ Него Его ученіе о Своемъ божествѣ въ чистомъ видѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они даже хотѣли подвергнуть Его побіенію камнями, обвиняя Его въ богохульствѣ, потому что, будучи человѣкомъ, Онъ творилъ Себя Богомъ. Поэтому, снявъ величіе Своего божескаго достоинства и совлекши съ слова блескъ этого достоинства, Онъ прекрасно сообразуется съ немоцію слушателей: видя въ ихъ душѣ, что они не признаютъ Его Богомъ, Онъ строитъ человѣкообразную рѣчь,

¹⁾ Къ *πατὴρ* приб. *ου* Ват. и др. мн. Сир. пеш. и геракл. Гот. Арм. Слав. мар. конст. ал. и поздн. Но безъ приб. Син. Кембр. Вульг. Итал. древн. мн. Сир. іер. и снн. Мемф. Фив. Эе. Слав. остр. гал. мст. зогр. асс. инк. *γαίτα* чит. больш. греч. и др. Сир. іер. и всѣ слав: *си* Ал. *сіа*,—но Син. и мн. *οὐτὼς* и Сир. снн. и пеш. и самъ Кир. въ толк. по *γαίτα* въ толк. 22 ст.

Дабы опять не возгорѣлись гнѣвомъ ихъ сердца и чрезъ это они безразсудно не утратили хотя бы даже нѣкотораго меньшаго къ Нему вниманія. Итакъ, „познаете“, говоритъ, „когда вознесете Сына Человѣческаго, что это — Я“, — подобнымъ же образомъ познаете также и то, что „отъ Себя не творю ничего, но какъ научилъ Меня Отець, такъ ¹⁾ говорю“.

Но скажи мнѣ, быть можетъ, спросить кто-нибудь, какая нужда въ такомъ изреченіи? Чему научаетъ въ немъ насъ Христосъ? Отвѣтимъ на это посредствомъ благочестиваго изъясненія каждаго отдѣльнаго слова въ этомъ изреченіи. Вы не престаете, говоритъ, нападать на Мои дѣла, какъ незаконныя и нечестивыя, — часто обвиняли Меня, какъ поступающаго противозаконно и обыкновенно совершающаго несогласное съ законодателемъ. Такъ, когда Я исцѣлилъ страдавшаго столь продолжительною болѣзнью и оказалъ милость челоуѣку въ субботу, то вмѣсто подобавшаго благоговѣнія вы предпочли обвинять Меня за это и оказались далекими отъ возданія Мнѣ должнаго. Въ виду этого Я недавно давалъ вамъ спасительныя наставленія и убѣждалъ васъ къ желанію усвоить себѣ свѣтъ. Потомъ Я показывалъ вамъ Истинный Свѣтъ, когда изъяснялъ Свою природу въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“ (ст. 12). А вы опять, безразсудно поступая и размышляя, выступали противъ Моихъ словъ и дерзнули безстыдно сказать: „свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13). Посему, когда вознесете Сына Человѣческаго, то есть когда Его подвергнете смерти, и увидите Его побѣдителемъ узъ смерти, ибо возстану изъ мертвыхъ, какъ Богъ по природѣ: тогда, говоритъ, вы узнаете, что „ничего

¹⁾ Ср. примѣч. къ эт. тексту.

отъ Себя не творю, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ ¹⁾ говорю. Когда увидите (во Мнѣ) истиннаго Бога по природѣ и Сына, то узнаете, что я отнюдь не своеволенъ, но всегда соволенъ Богу и Отцу,— и все, что ни совершить Онъ, это и Я Самъ немедленно творю, а равно и говорю все то, что нахожу говорящимъ Его, ибо Я имѣю одну сущность съ Родителемъ. Я исцѣлилъ въ субботу разслабленнаго и вы вознегодовали за это, но вѣдь Я показалъ вамъ, что и Отецъ дѣйствуетъ въ субботу, сказавъ: „Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю“ (ст. 17). Итакъ, *„отъ Себя не творю ничего“*.

Точно также Я говорилъ вамъ: „Я—свѣтъ міра“, а вы подумали, что Я говорю что-то несогласное съ Нимъ (Отцемъ), хотя опять и въ этомъ случаѣ Я постыдилъ васъ, когда привелъ Его слово обо Мнѣ: „вотъ Я положилъ (назначилъ) Тебя въ свѣтъ рода, во свѣтъ народовъ“ (Иса. 43, 6). Поэтому вы, говорить, совершенно напрасно обвиняете Того, Кто всегда единоволитъ съ Отцемъ и не дѣлаетъ ничего несогласнаго съ Нимъ, равно и не позволяетъ Себѣ говорить что-либо такое, что не отъ Него. Такой, полагаю, смыслъ надо давать приведеннымъ словамъ.

Но свирѣпый звѣрь, разумѣю христорборнаго аріанина, быть можетъ и тутъ набросится на насъ и выступитъ съ такою рѣчью: „зачѣмъ же ты, любезнѣйшій, стараешься перетолковывать изреченіе въ благопріятномъ и угодномъ тебѣ только одному смыслѣ, не стыдясь похитить у него его истинное значеніе? Вѣдь Сынъ ясно утверждаетъ, что Онъ ничего не дѣлаетъ отъ Себя, но что узнаетъ отъ Бога и Отца, это и говорить, такимъ образомъ Отца Своего признаетъ высшимъ, чѣмъ Онъ Самъ (Сынъ)“.

¹ См. прим. къ тексту.

Такъ что же, любезнѣйшій? Пусть-ка и онъ въ свою очередь услышитъ: вѣдь Сынъ получаетъ отъ Отца силу и премудрость конечно для того, чтобы быть въ состоянїи дѣлать и говорить что-либо безукоризненно? Но какимъ же образомъ будетъ Богомъ по природѣ Тотъ, Кто получаетъ отъ другаго и силу и мудрость, какъ это имѣетъ и природа тварей? Вѣдь у получившихъ бытїе изъ небытїя все, что бы ни имѣлось, безъ сомнѣнїя—есть богоданное. Но не такъ въ Сынѣ. Божественное Писанїе знаетъ и проповѣдуетъ Его Богомъ истиннымъ. А существу по природѣ Богу, полагаю, должны принадлежать всѣ безъ исключенїя совершенства. Если же оказывается недостатокъ въ какомъ бы то ни было совершенствѣ, коимъ образомъ можетъ быть Богомъ? Какъ нетлѣнїе и безсмертїе должно принадлежать Ему безъ сомнѣнїя природно, а не отвлѣ и не какъ данное, такъ и всесовершенство и отсутствїе недостатка во всѣхъ благахъ. Если же, по твоему нечестивому и безразсудному разсужденїю, Сынъ оказывается несовершеннымъ въ могуществомъ совершать богоприличныя дѣйствїя и говорить подобающїя Богу слова, а между тѣмъ Онъ есть сила и премудрость Отца, по ученїю Божественнаго Писанїя, то обвиненїе это (въ совершенствѣ) скорѣе должно относиться къ Отцу, чѣмъ къ Нему, ибо съ принятїемъ этого необходимо утверждать, что уже и Богъ Отецъ несовершенъ по силѣ и не всецѣло премудръ. Видишь, куда опять ведетъ дерзость твоего невѣжества.

Но я удивляюсь и тому, что отъ твоего вниманїя ускользнуло и такое еще соображенїе. Какимъ, скажи мнѣ, образомъ опять Богъ и Отецъ можетъ сообщать могущество Своей собственной силѣ, или какъ Онъ могъ бы содѣлать премудрость Свою болѣе премуд-

дрою? Вѣдь одно изъ двухъ: или необходимо утверждать, что Онъ всегда восходитъ къ большему и мало-по-малу преуспѣваетъ въ могуществѣ и пріобрѣтеніи большей силы, чѣмъ какая Ему присуща, что глупо и совсѣмъ невозможно, — или нечестиво предполагать, что Онъ укрѣпляется отъ другого. Но въ такомъ случаѣ Сынъ развѣ могъ бы называться и Господомъ силъ, или какъ могъ бы представляться премудростію и силою тотъ, кто подобно намъ укрѣпляется и умудряется отъ другого? Прочь отъ такого богохульства и нелѣпыхъ разсужденій. Или ясно признайте, что Сынъ есть твореніе, дабы имѣть противъ себя все богодуховенное писаніе, или, если вѣруете, что Онъ есть Богъ по природѣ, согласитесь, что у Него есть въ совершенствѣ всѣ свойства божества. А особенность такого природнаго свойства состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ отношеніи не быть безсильнымъ и имѣть какой-либо недостатокъ предъ Верховною Премудростію, а напротивъ—по самой природѣ быть премудростію и силою. Но въ Премудрости нѣтъ ничего, что бы пріобрѣталось чрезъ наученіе, а равно и въ первой и истинной Силѣ могущество нельзя представлять пріобрѣтеннымъ.

Но для раскрытія самой природы вещей и точнѣйшаго изслѣдованія словъ Христа къ сказанному присоединимъ еще слѣдующее. Что такое совершилъ, ставъ человѣкомъ, Единородный, что можетъ превышать присущую Ему силу? По всей вѣроятности нѣкоторые скажутъ, что Ему, какъ получившему отъ Бога и Отца силу совершать (чудеса), тогда именно надлежало сказать, что *„отъ Себя Самого не творю ничего“*, когда изгонялъ бѣса, исцѣлялъ разслабленнаго отъ болѣзней, освобождалъ прокаженнаго отъ страданія, слѣпымъ давалъ прозрѣніе, не малочислен-

ное множество людей насыщаль пятаю хлѣбами, укрощаль словомъ бушующее море, Лазаря воскрешаль изъ мертвыхъ. Но можемъ ли мы въ этихъ чудесахъ видѣть проявленіе превышающей присущую Ему силы? Въ такомъ случаѣ какъ, скажи мнѣ, Онъ утвердилъ столь великое небо, простерши какъ шатеръ для обитанія,—какъ основаль землю, какъ сдѣлался творцемъ солнца, луны и звѣздъ на тверди? Какъ создалъ ангеловъ, архангеловъ, престолы, господства и кромѣ того еще серафимовъ? Въ столь великихъ и сверхъестественныхъ дѣлахъ, не имѣвъ нужды ни въ силѣ, ни въ премудрости другого, какимъ образомъ Онъ могъ оказаться немощнымъ въ столь малыхъ дѣлахъ? или какъ могъ бы возимѣть нѣжду въ учителѣ тому, что надо говорить къ Іудеямъ, Тотъ, Кто и чрезъ святыхъ пророковъ славословится какъ Премудрость? Вотъ слышу одного изъ нихъ, говорящаго: „Господь, сотворившій землю въ крѣпости Своей, утвердившій вселенную премудростію Своею, и въ разумѣ Своемъ распростеръ небо“ (Иерем. 10, 12). Согласно сему и божественный Даніиль говорить: „да будетъ имя Господне благословенно во вѣки, потому что премудрость, и разумъ, и сила Его есть“ (Дан. 2, 20). Если же, по слову пророка, *Его* есть и сила и премудрость, то кто же наконецъ можетъ выносить пустословіе инославныхъ, утверждающихъ, что отъ другого подается сила и премудрость Тому, Кого признають Премудростію и Силою Отца?

„Но если бы, говорятъ, мы признавали кого-либо другого доставляющимъ Сыну восполненіе въ недостаткѣ силы, или учащимъ Его, то вы имѣли бы основаніе нападать на наши слова, желая защититъ Его какъ оскорбляемаго: поелику же мы утверждаемъ,

что даетъ это Отецъ, какой же окажется у васъ предлогъ печалиться объ этомъ?”

Итакъ, если вы думаете, что никакого вреда не причиняете Сыну въ отношеніи къ Его природному подобію съ Родителемъ, хотя бы и говорилось, что Онъ что-либо получаетъ отъ Него (Отца), то вспомни, любезнѣйшій, недавнія слова, и убѣдись чрезъ это не соблазняться, но давай Ему равенство во всемъ съ Его собственнымъ Родителемъ и ни въ какомъ отношеніи не умаляй Его. Если же это отвлекаетъ тебя отъ правильнаго взгляда и заставляетъ думать о Немъ неподобающее, то зачѣмъ дѣлаешь тщетныя усилія обмануть насъ пустыми словами? Вѣдь совершенно никакого различія нѣтъ въ томъ, если утверждается, что Самъ Богъ и Отецъ или другой кто помимо его даетъ Сыну. Разъ будетъ доказано, что Онъ получилъ что-либо, какую пользу Онъ найдетъ въ томъ, если лицо дающаго окажется очень славнымъ? Какое различіе, скажи мнѣ, для отстраняющагося отъ біенія въ томъ, что удары будутъ наноситься деревяннымъ и позолоченнымъ жезломъ? Важно тутъ не образъ страданія, а отсутствіе страданія. Поэтому, какъ скоро Сынъ оказывается нуждающимся въ силѣ и премудрости, если явится получившимъ что-либо отъ Него (Отца), и уже вполнѣ подлежить этому обвиненію, то развѣ не вполнѣ наивно ты пытаешься оглушить насъ, слушателей, словами и ложными ухищреніями скрыть обвиненіе чрезъ указаніе на то, что никто другой, но только Отецъ является подателемъ? Удивляюсь, какъ, считая себя мудрецами и по внѣшности столь опытные въ тонкихъ разсужденіяхъ, вы не замѣтили того, что, умаляя образъ Бога и Отца, то-есть Сына, не столько Его оказываетесь обвинителями, сколько Того,

Кого Онъ есть образъ, необходимо долженствующаго быть такимъ, какъ проявится въ Сынѣ.

„Но, говорятъ, принудить тебя гласъ Сына даже и противъ воли согласиться съ тѣмъ, что высказать Онъ не почелъ недостойнымъ, ибо Самъ Онъ исповѣдалъ, что ничего не творитъ отъ Себя, но и говорить только то, чему научится отъ Бога и Отца“.

Но, любезнѣйшій, пусть кажутся тебѣ неправильными прекрасныя слова, какъ скоро ты отвергъ свѣтъ истины, мы же опять пойдемъ своимъ путемъ и будемъ мыслить о Единородномъ обычное и общепринятое, съ подобающимъ намъ благочестіемъ обращаясь къ толкуемому изреченію. Вѣдь если бы Единородный сказалъ: „ничего отъ Себя не творю, но получая силу отъ Бога и Отца совершаю чудныя и достойныя удивленія дѣла“, то и подобная этой рѣчь нѣсколько не явила бы Его подлежащимъ за это какому-либо обвиненію (въ безсиліи), хотя противникъ нашъ казался бы намъ (въ такомъ случаѣ) нѣсколько болѣе благоприличнымъ (съ своимъ возраженіемъ). Но такъ какъ Онъ просто и безусловно, ничего не прибавивъ, говорить, что „ничего отъ Себя не творю“, то мы, безъ всякаго сомнѣнія, не можемъ утверждать, что Онъ обвиняетъ Свою природу какъ безсильную въ какомъ-либо отношеніи, но указываетъ на нѣчто другое истинное и безукоризненное. Примѣнимъ къ человѣку значеніе Его словъ, чтобы увидѣть, что говорить Онъ. Пусть станутъ какіе-либо два человека, получившіе конечно одну и ту же природу, имѣющіе равную другъ съ другомъ силу и единомысленные. Затѣмъ пусть одинъ изъ нихъ скажетъ: отъ себя ничего не творю я. Укажетъ ли онъ этимъ на то, что онъ безсиленъ и совсѣмъ не въ состояніи ничего дѣлать самъ по себѣ, или же на то, что онъ

имѣеть другого, съ нимъ сопряженнаго, во всемъ согласнымъ и единомысленнымъ съ собою? Такъ со мною разумѣй и о Сынѣ, но только въ гораздо высшей степени. Поелику Іудеи безразсудно нападали на Него за совершеніе чудесныхъ дѣлъ, всячески обвиняли Его въ нарушеніи субботы и приписывали Ему противозаконныя дѣянія, то онъ и сталъ наконецъ указывать на согласіе во всемъ и единомысліе съ Собою Бога и Отца, искусно постыжая необузданную ярость невѣровавшихъ. Со всею справедливостію надлежало наконецъ подѣйствовать устрашеніемъ на склонныхъ обвинять Его посредствомъ указанія на то, что Онъ все совершаетъ по волѣ Отца и собственное Его желаніе согласно съ хотѣніемъ Отца. И это совершеніе Сыномъ всего по волѣ Отца не меньшимъ и не подчиненнымъ должно являть Его, но (дѣйствующимъ) отъ Себя и (сущимъ) въ Себѣ и единосущнымъ (Отцу). Такъ какъ Онъ есть премудрость Отца и живая воля, то Онъ и исповѣдуетъ, что дѣлаетъ не другое что, какъ то, что изволить Отець, Коего Онъ и есть и премудрость и воля, подобно какъ и нашъ разумъ ничего не дѣлаетъ самъ отъ себя, но совершаетъ все только угодное намъ. Впрочемъ, это только малое сравненіе съ тѣмъ, имѣющее только неясный образъ истины. И какъ нашъ разумъ не считается чѣмъ-то другимъ, отличнымъ отъ насъ, такимъ же точно образомъ, думаю, и Премудрость Бога и Отца, то-есть Сынъ, не есть что-либо другое, отдѣльное отъ Него, говорю это по отношенію къ тожеству существа (Ихъ) и совершенному подобію природы, ибо Отець есть Отець и Сынъ есть Сынъ—собственно-ипостасно (Каждый въ Своей ипостаси).

А какъ Онъ присоединяетъ къ этому еще: „какъ научилъ Меня Отець, сіе говорю“, то никто отнюдь да

не думаетъ, что Сынъ представляется нуждающимся въ чемъ-либо, ибо большая въ такомъ случаѣ будетъ неточность въ разсужденіяхъ. Но смыслъ этихъ словъ можно выразить такъ. Іудеи, будучи не въ состояніи понимать никакого добра, не только соблазнялись тѣмъ, что Онъ совершалъ чудесно, но и подвергались очевиднымъ для каждаго образомъ такому же состоянію—когда Онъ высказывалъ какія-либо богоприличныя слова. Такъ, когда Онъ высказывалъ истину въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“, они скрежетали зубами и дерзали составлять ужасные замыслы. Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы изобличить ихъ, что они напрасно бѣшенствуютъ изъ-за этого, говорить, что слова Его суть (слова) Бога и Отца, употребивъ при этомъ болѣе человѣкообразное: „*научилъ*“. Впрочемъ, значеніе этого выраженія не лишено глубокаго смысла. И если врагъ истины не допуститъ человѣческаго, онъ весьма сильно повредитъ смыслъ домостроительства съ плотію. Вѣдь Единородный унижилъ Себя, ставъ человѣкомъ и потому говоря часто какъ человѣкъ.

Впрочемъ, пусть опять знаетъ, что Сынъ нисколько не противорѣчитъ божескому достоинству Своему въ словахъ: „*какъ научилъ Меня Отецъ, такъ говорю*“. Всячески можемъ доказать, что и это Его изреченіе справедливо и прекрасно. Пусть-ка отвѣтитъ на нашъ вопросъ тотъ обвинитель благочестивыхъ догматовъ: кто, скажи мнѣ, только что родившагося младенца научаетъ употреблять человѣчскій голосъ? Почему не рыкаетъ по-львиному или не подражаетъ какому-либо другому изъ безсловесныхъ животныхъ? Слѣдуя общепринятому мнѣнію, надо отвѣчать на это, что природа есть учительница, образующая порожденіе соотвѣтственно свойствамъ порождающаго. Можно по-

этому имѣть знаніе отъ природы, безъ наученія, вслѣдствіе того, что природа, такъ сказать, влагаетъ въ порожденіе всѣ свойства порождающаго. Въ такомъ именно смыслѣ и Сынъ Единородный утверждаетъ въ этихъ словахъ, что Онъ научился отъ Отца, ибо что у насъ природа, тѣмъ по всей справедливости является по отношенію къ Нему Богъ и Отець. И какъ мы, хотя и люди и отъ людей, безъ наученія зная отъ природы говоримъ, какъ свойственно человѣку, такъ и Онъ, хотя есть Богъ и отъ Бога по природѣ, научился отъ собственной природы говорить какъ Богъ и изрекать подобающее Богу. Таково есть и изреченіе: „Я—свѣтъ міра“, каковымъ Онъ признаетъ Себя потому, что Онъ изъ одной сущности съ Отцомъ, ибо Онъ есть Свѣтъ отъ Свѣта. Это Онъ, по Его словамъ, узналъ отъ Него (Отца), имѣя безъ наученія нѣкое познаніе богоприличныхъ дѣлъ и словъ изъ свойства и природы Родившаго, какъ бы по необходимымъ законамъ восходя къ тождеволію во всемъ и тождесловію съ Богомъ и Отцомъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не должно считаться безспорнымъ, что одинаковою волею обладаютъ и одними и тѣми же словами пользуются тѣ, кои имѣютъ одну природу? О Богѣ конечно рѣчь, а не о насъ. Насъ отвлекаютъ отъ границъ должнаго и извращенія нравовъ, и различія желаній, и преобладаніе страстей. Божественная же и непостижимая природа, всегда пребывающая одинаковою и неподвижно утвержденная въ собственныхъ качествахъ, какое можетъ имѣть уклоненіе къ чему-либо другому? Или какимъ образомъ она можетъ не итти прямо къ своей цѣли, говорить и совершать подобающее Ей? Итакъ, Единородный, будучи одной сущности съ Своимъ Родителемъ и обладая достоинствами одного Божества, безъ всякаго

сомнѣнія необходимо долженъ и дѣлать то, что дѣлаетъ и Самъ Отецъ. Это и означаетъ „не дѣлать ничего отъ себя“. Безъ сомнѣнія также и говорить Онъ слова Родителя не какъ подчиненный, или подвластный, или ученикъ, но какъ обладающій въ качествѣ плода собственной природы способностью пользоваться словами Бога и Отца. Въ этомъ ясно открывается, что если Онъ не говоритъ ничего отъ Себя, то тутъ нѣтъ ничего для Него укоризненного.

VIII. 29. *И Пославый Мя со Мною есть, и не остави Мя Единаго (яко Азъ угодная Ему творю всегда)* ¹⁾.

Ясно показываетъ здѣсь, что открываетъ волю Бога и Отца, Самъ имѣя не другую какую-либо отличную отъ воли Отца, ибо Онъ есть живая и ипостасная воля и хотѣніе Родившаго Его, согласно сказанному однимъ изъ святыхъ въ книгѣ псалмовъ: „въ волѣ Твоей путеводишь Меня“ (Пс. 72, 24) и опять: „Господи, въ хотѣніи Твоемъ доставь красотѣ моей силу“ (Пс. 29, 8), то-есть во Христѣ все добро для любящихъ Его,—но какъ сообщающій для нашего вѣдѣнія намѣренія и мысли Бога и Отца. Какъ наше внѣшнее и произносимое языкомъ слово открываетъ находящіяся въ глубинѣ нашей души мысли и намѣренія, получая какъ бы нѣкое наученіе и соотвѣтственно этому строя рѣчь; такимъ же образомъ мы должны благочестиво представлять, что и Сынъ, конечно превосходя приведенное сравненіе, изрекаетъ мысли и намѣренія Отца, такъ какъ Онъ есть и Слово и Премудрость Бога и Отца. И поскольку Оно не

¹⁾ Нѣк. не чит. первое и. Второе *ка* чит. мн. древн. и Слав. Асс. и Ник. Послѣ единаго приб. *Отецъ* мн. др. и слав. Мст. Мар. Зогр. Ал., но не чит. О. и Гал. *яко Азъ уг творю Ему всегда* Асс. Зогр. Мар. Ник. *угодная Ему творю всегда* Гал. Мст. Ал. (*зане*).

безипостасно, какъ человѣческое, но имѣть сущность и жизнь, какъ обладающій собственнымъ существованіемъ въ Отцѣ и съ Отцомъ, то и говоритъ здѣсь, что Онъ не одинъ, но что съ Нимъ и Пославшій Его. Когда же говоритъ „со Мною“, то выражаетъ опять нѣчто благоприличное и таинственное. Не такъ конечно должны мы понимать эти изреченія Его, что подобно тому, какъ съ пророкомъ какимъ-либо бываетъ Богъ, защищающій его Своею силою и помогающій Своими внушеніями или возбуждающій къ пророчеству откровеніями чрезъ Духа, такъ и съ Нимъ (пробываетъ) Родившій. Но здѣсь Онъ употребляетъ это „со Мною“ въ другомъ смыслѣ, а именно въ томъ, что *Пославшій Меня*, то-есть Богъ и Отецъ, есть одной со Мною природы.

Такимъ же образомъ разумѣй и находящееся у пророка Исаи о Христѣ: „узнайте народы и покоряйтесь, потому что съ нами Богъ“ (Иса. 8, 9, 10). Слова эти конечно могутъ приличествовать и тѣмъ, кои возимѣли на Него надежду спасенія. Однакожъ и такъ-вые говорятъ „съ нами Богъ“ не потому, что, какъ пожалуй можетъ подумать кто, Богъ будетъ помощникомъ и защитникомъ, но потому, что „Онъ съ нами“, то-есть изъ насъ, ибо Слово Бога стало человѣкомъ, и этимъ всѣ мы получили спасеніе, расторгли узы смерти и освободились отъ тлѣнія грѣха, какъ скоро низшло къ намъ и съ нами явилось во образѣ Божіемъ сущее Богъ-Слово. Поэтому, какъ тамъ (у пророка) разумѣемъ выраженіе „съ нами Богъ“ вмѣсто „Слово, сущее отъ Бога и Отца, явилось въ одной съ нами природѣ“, такъ и здѣсь, когда Христосъ говоритъ: „*Пославшій Меня со Мною есть и не оставилъ Меня одного*“, мы должны, сохраняя полное соотвѣтствіе въ разсужденіяхъ, ясно видѣть таинственное